О КНОРРИНГ Т. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КНОРРИНГ Татьяна Владимировна, родилась в 1901 в Орле. Балетная артистка, работала в музыкальном театре Одессы. 15 июня 1927 — арестована, 20 сентября приговорена к высылке за пределы Украины и отправлена в Новосибирск-Томск-Ташкент-Самарканд.

В сентябре 1928 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью ее мать Юлия Владимировна Кнорринг.

<6 сентября 1928>

«Екатерине Павловне Пешковой

Юлии Владимировны Кнорринг,
проживающей в г<*ороде*>
Ростове н<*а*> Д<*ону*> по
Старо-Почтовой ул<*ице*>,
д<*ом*> № 143, кв. 5

Заявление

Осведомившись о том, что Вы принимаете участие в судьбе лиц, подвергшихся административной высылке, я позволяю себе обратиться к Вам с усердной просьбой не отказать обратить внимание на дело моей дочери Татьяны Владимировны Кнорринг, находящейся в ссылке в г<*ороде*> Самаре и уже пославшей Вам от себя ходатайство о пересмотре ее дела.

Существо дела заключается в следующем. Дочь моя Татьяна, балетная артистка, была арестована в г<*ороде*> Одессе в ночь на 15-ое июня 1927 г<*ода*> по ордеру Одесского ГПУ, затем освобождена и 20-го сентября 1927 г<*ода*> ей было предложено выехать за пределы УССР. Во исполнение этого предложения она переехала в г<*ород*> Новосибирск, затем ей было разрешено переехать в г<*ород*> Томск, а затем она была выслана сначала в г<*ород*> Ташкент, потом в г<*ород*> Самарканд, где и находится до сих пор.

По какой статье Уг<*оловного*> Кодекса было предъявлено обвинение, не знаю. На вопрос дочери, в чем ее обвиняют, следователь отвечает: "это известно нам". Вины за собой моя дочь не чувствует никакой, то нам пришло в голову, не обвиняют ли ее как баронессу Кнорринг, жительницу Ленинграда, т<*ак*> к<*ак*> следователь все настаивал на этом. Дочь моя родилась в г<*ороде*> Орле в 1901 г<*оду*>, о чем имеется метрическая выписка. Баронского титула у нас никогда не было, т<*ак*> к<*ак*> мой муж (Владимир Александрович Кнорринг) не имел этого титула и служил не в Ленинграде, а в Орле, где был штаб-ротмистром 51-го Черниговского полка до 1902 года, когда он вышел в отставку. С мужем я не живу с 1911 г<*ода*>, в этом году он оставил меня и детей без всяких средств к жизни, и с тех пор всякие сношения у меня с ним были прерваны.

По-видимому, все обвинение является простым недоразумением, возникшим вследствие того, что, как я выяснила, в Ленинграде был какой-то Кнорринг и по имени тоже Владимир, и это совпадение имени и фамилии и послужило канвой для всего дела.

Второй причиной могли быть открытки, полученные моей дочерью от своего отца, уехавшего во время революции за границу.

Вот в нескольких словах вся история дела о моей дочери. К изложенному добавлю, что никакого отношения к политике моя дочь не имела и не имеет, и никогда никаких обвинений нам предъявлено не было. В Одессе дочь моя служила в балете, я немного подрабатывала шитьем и на этот заработок, дававший очень немного, мы вели полуголодное

существование. Теперь это отнято. Ввиду этого и принимая во внимание, что дело моей дочери, действительно, является вопиющим недоразумением, что фактически ей никаких обвинений не предъявлено, что пострадала она совершенно безвинно, и прошу Вас не отказать мне в моей просьбе обратить внимание на это дело и настоять на его пересмотре, и дать возможность дочери моей быть вновь полезной гражданкой в СССР.

О результате настоящей моей просьбы прошу Вас меня уведомить. Крайне сожалею, что не могу приехать и лично Вас просить, но на это нужны деньги, которых у меня часто не хватает даже на кусок хлеба в буквальном смысле.

Ю. В. Кнорринг.

6 сентября 1928 г<*ода*>»[1].

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

«Ответить, чтоб дочь прислала заявл<*ение*> в Ос<*обое*> Сов<*ещание*> с просьбой о доср<*очном*> осв<*обождении*>, приведя указанные соображения и приложить свидетельство из больницы, если она больна. Е.П».

[1] ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 276. С. 179. Автограф.